

УДК 343.13

DOI: 10.34670/AR.2022.26.57.060

Формирование личного доказательства в уголовном суде**Александров Александр Сергеевич**

Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса,
Нижегородская академия МВД РФ,
603950, Российская Федерация, Нижний Новгород,
Анкудиновское шоссе, 3;
e-mail: anrc@rambler.ru

Юнусов Ахат Ахнафович

Доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры юридических дисциплин,
Набережночелнинский институт,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
423800, Российская Федерация, Набережные Челны, пр. Мира, 68/19;
e-mail: axatuk@rambler.ru

Витвицкая Светлана Сергеевна

Доцент кафедры уголовного права и публично-правовых дисциплин,
Донской государственной технической университет,
344002, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1;
e-mail: omar67@yandex.ru

Аннотация

В современном уголовном процессе продолжает доминировать следственная технология формирования личных доказательств. Это негативно отражается на правосудии. Судебная реформа не решает этой проблемы. Цель статьи состоит в обосновании необходимости замены следственной модели формирования личных доказательств на судебно-состязательную, которая соответствует стандарту справедливого судопроизводства в правовом государстве. В задачи входит раскрытие (1) следственной сущности норм позитивного доказательственного права, регулирующих формирование личных доказательств в суде; (2) институционального значения прямого и перекрестного судебных допросов для справедливой – состязательной организации судебного следствия; (3) возникающих от дифференциации прямого и перекрестного допросов возможностей для нормативно-правового регулирования целого комплекса актуальных проблем, связанных с формированием личных доказательств. Судебные допросы должны быть признаны главным способом формирования личных доказательств. Использование досудебных материалов, содержащих показания, должно быть допущено в виде исключения. Процедура оглашения показаний, регулируемая статьями 276, 281 УПК РФ должна из доминирующей техники формирования личных доказательств превратиться в

исключительную. В дифференциации судебного допроса на прямой и перекрестный допрос лежит основа для создания судебно-состязательной технологии формирования не только личных, но любых доказательств. Право защиты на перекрестный допрос основных свидетелей обвинения есть основная гарантия правовой самозащиты человека. Возможности продолжения судебной реформы путем оптимизации следственной уголовно-процессуальной модели исчерпаны. Следующим этапом судебной реформы должна быть реформа доказательственного права и центральный ее пункт состоит во введении перекрестного допроса.

Для цитирования в научных исследованиях

Александров А.С., Юнусов А.А., Витвицкая С.С. Формирование личного доказательства в уголовном суде // Вопросы российского и международного права. 2022. Том 12. № 9А. С. 439-449. DOI: 10.34670/AR.2022.26.57.060

Ключевые слова

Личные доказательства, формирование доказательств, технология доказывания, прямой допрос, перекрестный допрос, уголовное судопроизводство.

Введение

Российское уголовное правосудие находится в следственной уголовно-процессуальной среде, которая оказывает на нее большое влияние. Есть мнение, что это влияние приводит к пресловутому «обвинительному уклону». Даже если не разделять столь резких оценок, нельзя не признать того, что предварительное следствие, изначально созданное для удобства судебной власти, теперь имеет превосходство над ней в уголовно-процессуальной системе. Главным образом это проявляется в господстве следственной технологии уголовно-процессуального доказывания. Следственная власть не только активно играет роль обвинения (как это и надлежит ей), но и дает «факты» суду. Следственная технология доказывания покоится на двух институтах: следственных действиях и их протоколах. И тот, и другой полностью находится во власти следователя. По следственной технологии следователем изготавливается «уголовное дело». Письменное, следственное уголовное дело есть главный источник (истинного) знания об фактических и юридических обстоятельствах уголовно-правового спора, подлежащего разрешению судом.

Упрощая, можно разделить указанные в статье 74 УПК РФ доказательства на «личные» и «вещественные». И те и другие существуют в виде источников доказательств, перечисленных в части 2 статьи 74 УПК РФ. Большая их часть, включая «вещественные доказательства», создается следователем (дознавателем).

Основная часть

К «вещественным доказательствам» позволим себе отнести все те сведения, которые отражают работу следователя со следами, оставленными событием преступления в окружающем мире. Они содержатся в материалах уголовного дела в виде протоколов следственных действий, иных документов, составленных следователем, а также приложенных им к делу предметов («вещественных доказательств», в буквальном смысле), иных носителей (электронных) информации. Следователь наделен законом исключительными полномочиями на

производство следственных действий, в ходе которых он, непосредственно воспринимая «следы преступления» (иногда с помощью специалистов, экспертов, технических средств), фиксирует их в протоколах следственных действий. Можно сказать, что следственные «вещественные доказательства» – это представленные следователем суду (1) материальные объекты со «следами преступления», (2) следы преступления, отраженные следователем в иных источниках. При этом в протоколах – косвенно, а в обвинительном заключении, других процессуальных решениях содержится оценка следователем полученных им доказательств.

Закон позволяет считать полученные следователем «вещественные доказательства» уже готовыми, «уголовно-процессуальными» доказательствами. Это сделано по объективной причине: ввиду исчезновения, порчи реальных следов преступления на момент судебного разбирательства, значительная часть этих сведений уникальна. Судья, должен доверять как своим «глазам и ушам» процедурному знанию, полученному следователем. Гарантами достоверности этого знания выступают понятые, специалисты эксперты (но также иные участники следственных действий).

О личных доказательствах всего этого однозначно сказать нельзя.носителем личного доказательства является человек. Отсюда антропоцентризм формирования личных доказательств. Технология доказывания здесь строится по модели диалога: «от человека к человеку». Поскольку в большинстве случаев человек как автономный носитель источника этого доказательства к моменту судебного разбирательства существует, постольку всегда должно быть отдано предпочтение диалогу с ним вместо заслушивания пересказа полученных следователем сведений.

Личные доказательства – самый распространенный вид уголовно-процессуальных доказательств. И хотя не раз звучали призывы отказаться от них как ненадежных доказательств, альтернативы им нет¹, пока правосудие остается человеческим и не машинным.

Именно на примере личных доказательств наиболее ярко проявляется самостоятельность судебного следствия по отношению к предварительному, а по большому счету: независимость судебной власти по отношению к следственной в том, что касается установлении истины и определения исхода дела.

В позитивном праве закреплена следственная, негуманная модель формирования личных доказательств, унаследованная из далекого прошлого². Ее центральным элементом является игнорирующая личность свидетеля (человека) процедура оглашения его показаний, данных на предварительном следствии, которая предусмотрена статьями 240 ч. 2, 276, 281 УПК РФ. Она полностью воспроизводит аналогичную модель, существовавшую в статьях 281, 286 УПК РСФСР (1960 г.), статье 294 УПК РСФСР (1923 г.). Кстати, данное обстоятельство лучше всего убеждает в неизменности следственной парадигмы, заложенной в современную технологию доказывания. Эта техника гораздо сильнее, чем общее признание полномочий сторон на

¹ Не будем погружаться в эту, безусловно, богатую тему. Заметим только, что никакие умные технологии и технические средства не отменяют в суде допроса – общение между судьей и лицами, свидетельствующими по делу; подсудимым – прежде всего. Пока правосудие не утратило своей гуманистической сущности, пока судья будет судить по своему внутреннему убеждению другого человека, личные доказательства и допросы будут главными средствами установления истины.

² Несмотря на добавления доли состязательности, его тип не изменился, а вместе с ним в сущности не изменилась и правовая организация судебного следствия. Глава 37 УПК РФ модернизированная копия главы 23 УПК РСФСР. Это касается регламентации судебных допросов и других техник формирования личных доказательств.

представление своих доказательств (ст. 244, 246 УПК РФ), презюмирующее «пассивность» суда в доказывании. Все это опровергается самим законом, регулирующим производство отдельных следственных действий (ст.ст. 281, 287, 290 УПК РФ), а главное – общим смыслом, или, если угодно «духом» позитивного права, который побуждает председательствующего судьи к активному использованию в судебном доказывании личных доказательств, сформированных следственным путем.

Из части 2 статьи 74 УПК РФ следует, что источником личных доказательств являются «показания» различных лиц. Показания – это первичные источники личных доказательств. Показания, между тем, могут быть получены как следственным путем – посредством допросов лиц следователем, так и в суде – посредством судебных допросов. Наш закон не делает различия между этими показаниями: и те и другие могут считаться «доказательствами». До сведения судьи показания, полученные следователем, на стадии подготовки дела к судебному разбирательству доходят через уголовное дело в виде протокола допроса. В значительной мере здесь и происходит их окончательное формирование.

Следственный протокол допросов, равно как и протокол судебного заседания есть производный источник личных доказательств. Об этом часто забывают. Личное доказательство («сведения, содержащиеся в показаниях») неотделимо от личности человека их дающего, потому исследоваться и оцениваться они должны в совокупности. А протокол следственного допроса – это произведение следователя, интерпретация полученных следователем ответов допрашиваемого на заданные им вопросы. В случае представления суду показаний через уголовное дело – протокол следственного допроса следователь выступает посредником между свидетельствующим и судом. Возможность искажения информации в передаче следователем должна презюмироваться судом. В виду того, что следственный, односторонний допрос есть получение показаний, направленное на формирование «следственного доказательства», которое при использовании его государственным обвинителем становится обвинительным.

Представление личных доказательств путем оглашения показаний ранее допрошенных следователем лиц, включая показания подсудимого (ст. 281 УПК РФ) – это, как отмечалось, ключевой элемент следственной технологии формирования личных доказательств. Оглашение содержания протокола следственного допроса может сопровождаться представлением иных приложенных к протоколу материалов: фотографических негативов, снимков, диапозитивов, аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки допросов.

Несмотря на все судебные реформы, несмотря на «правильные» позиции, сформулированные Конституционным Судом России, Пленумом Верховного Суда России относительно общепризнанного международно-правового, европейско-правового стандарта, закрепляющего право подсудимого на непосредственный допрос в суде основных свидетелей обвинения, эта следственная техника формирования личных доказательств в суде сохраняется [Гаджиев, 2019, 65-80]³.

После дополнения статьи 281 частью 2.1 следственный стандарт формирования личного доказательства стал включать в себя проведение следователем очной ставки между обвиняемым и основными свидетелями обвинения, при наличии противоречий в их показаниях. С учетом постановления Европейского суда по делу «Задумов против Российской Федерации»⁴, где эти

³ Sapiienti sat. Специалисту хорошо известны эти постановления национальных и европейских судебных органов. Поэтому ограничимся ссылкой на наиболее свежий обзор источников по данной тематике.

⁴ Постановление Европейского суда по делу «Задумов против Российской Федерации» (Zadumov v. Russia) от 12 декабря 2017 г., жалоба № 2257/12 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2018. № 2. С. 129-143.

новеллы были прокомментированы, утвердилось мнение, что созданы надежные процессуальные гарантии, позволяющих обвиняемому, как проверить показывающих против него свидетелей, так и обеспечивать, чтобы оглашение показаний свидетелей допускалось лишь в виде исключения.

Не разделяем оптимизма относительно возможности следственными процессуальными гарантиями оптимизировать следственную технологию доказывания до стандарта «справедливой». Очная ставка, проводимая следователем – это разновидность следственного допроса; это все та же следственная технология формирования личных доказательств. Так что принципиально ничего не изменилось: личное доказательство формируется в ходе предварительного расследования и представляется суду в виде протоколов допроса, очной ставки.

По-прежнему в стадии подготовки судебного разбирательства, при рассмотрении дела по существу и судья, и другие участники судебного доказывания выступают потребителями следственного доказательствами, в отсутствие реальной возможности проверить показания, и личность самого дающего их. Вряд ли такое положение может удовлетворить самостоятельную и независимую судебную власть, а также гражданское общество, которое ищет в ней опору.

На наш взгляд, требуется более серьезные перемены в правовой организации уголовно-процессуального доказывания: участники судебного следствия должны устанавливать факты сами – посредством следственных действий, в том числе, допросов, а не принимать «факты», установленные для них следователем.

Начать с того, что стороны и суд должны прибегать к оглашению ранее данных показаний (на предварительном расследовании) в виде исключения, как это вытекает из буквального смысла части второй статьи 281 УПК РФ, а не расширительно, как это общепринято.

Судьи должны исходить из того, что процедура, предусмотренная статьей 281 УПК РФ, есть исключительное средство формирования личных доказательств. Исключение должно быть исключительным. Главными же средствами формирования личных доказательств должен быть допрос. Надо не формально, а реально воплотить в судебном доказывании положения статей 15, 240, 244 УПК РФ.

Необходим перелом в практике обеспечения явки в суд свидетелей. Судебная власть, прокуроры и адвокаты не проявляют в этом отношении должной настойчивости. Сложилось снисходительное отношение к неявке в суд участников процесса, а отсюда и применение пункта 5 части 2 статьи 281 УПК РФ. Явка должна быть полной. Случаи неявки свидетелей в суд должны быть сведены к минимуму.

В этой связи, полагаем, должна измениться практика применения статьи 308 УК РФ к свидетелям, которые умышленно уклоняются от явки суд: в сторону максимального ужесточения⁵, ибо у нас существует фактическая безнаказанность за это. Во-вторых, стороны должны обеспечивать явку «своих» свидетелей – по повестке суда. Стороне обвинения – гособвинителю во взаимодействии с органами уголовного преследования необходимо

⁵ Мы являемся сторонниками ужесточения уголовной политики в отношении преступлений против правосудия. В частности, считаем необходимым изменить понятие «неуважение к суду», сделать его максимально широким, включая сюда и неоднократное, умышленное игнорирование повестки судьи о вызове в судебное заседание и введение лишения свободы на срок до пяти лет за такое преступление. Важно, чтобы до всех дошло осознание необходимости выполнения обязанности свидетеля. Этому поспособствовало бы проведение судебных процессов, с освещением в СМИ, по таким делам, с назначением не символических штрафов, а более серьезных наказаний.

прибегать к использованию всех средств, включая «оперативное сопровождение» для обеспечения явки свидетелей обвинения в суд. Стороне защиты содействие в обеспечении явки свидетелей должен оказать суд. В виду ограниченности возможностей аппарата суда и судебных приставов предлагаем передать на аутсорсинг частному бизнесу вручение повесток (с документированием факта вручения); с последующим включением эти расходы в процессуальные издержки проигравшей стороны.

В случае явки свидетеля в суд оглашение его показаний может быть допущено судом по ходатайству стороны только при наличии существенных противоречий между ранее данными показаниями и показаниями, данными в суде (часть 3 ст. 281 УПК РФ). Смысл этой нормы, на наш взгляд, надо толковать ограничительно, а именно: (а) противоречия должны быть существенными и неустранимыми путем допросов, (б) к оглашению можно прибегать только после проведения прямого допроса, (в) председательствующий по своей инициативе не должен принимать решение об оглашении показаний, но только по мотивированному ходатайству стороны и заслушивания мнения других участников следствия.

Материалы уголовного дела, в том числе протокол допроса, могут использоваться для формулирования вопросов при перекрестном допросе. Но не могут зачитываться стороной, представляющей показания своего свидетеля.

Принципиальный момент судебной технологии формирования личных доказательств связан с активностью председательствующего в судебном доказывании. От этого зависит процессуальная организация всех следственных действий (судебных допросов, в первую очередь), вся конструкция судебного следствия. Как отмечалось, кодекс допускает проявление инициативы председательствующим судьей в проведении следственных действий, постановке вопросов участникам. Это превращает иногда судебное следствие в поединок судьи с подсудимым. При пассивности государственного обвинителя. Такая схема должна быть признана абсолютно неприемлемой. Стороны должны являться главными субъектами представления своих доказательств и исследования доказательств. Участие председательствующего судьи в доказывании фактов должна быть вспомогательным. А чтобы это произошло нужно в законе определить правовые рамки активности судьи при допросе, а таковая в разумных пределах, конечно, должна быть допускаема. Так будут гарантированы права обеих сторон на формирование личных доказательств. Свобода, самозащита человека своих прав в государстве (в суде) реализуется через самоограничение государства – правом. Так же в судебном следствии свобода человека заключается в ограничении правом власти председательствующего в процедуре судебных допросов.

Судебные допросы проводятся сторонами, это их право, а для гособвинителя прямой допрос свидетелей обвинения – еще и обязанность. Право подсудимого на перекрестный допрос основных свидетелей обвинения в судебном следствии – важнейшее из прав на защиту. Участие председательствующего судьи в судебных допросах должно носить субсидиарный, вспомогательный характер.

Таковы принципиальные соображения, которые мы хотели бы предпослать и дополнительно аргументировать наш проект о ведении в судебное следствие прямого и перекрестного допросов – главных элементов судебной технологии личных доказательств.

Существует много определений перекрестного и прямых допросов, в том числе неоднократно давались они и автором этой статьи [Александров, Гришин, 2005, 25-30; Александров, 2019а, 22-31; Александров, 2019б, 7-13]. Прямой (главный) допрос – это первый

допрос лица по обстоятельствам, которые не были еще предметом показаний этого «свидетеля»⁶ в суде. Прямой допрос проводится стороной, представляющей показания данного свидетеля в качестве доказательства своих утверждений о фактах. Перекрестный допрос может проводиться после прямого допроса, являясь главным образом исследованием, проверкой уже данных показаний.

Проект правового регулирования судебных допросов в системе норм состязательного доказательственного права был изложен рядом авторов в «Доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации» (далее – Доктринальная модель) [Александров и др., 2015]. Есть даже руководство к использованию перекрестного допроса [Александров, Гришин, Конева, 2014], тоже широко известное в узких кругах. Полагаем, повторять их здесь нет смысла. Считаем только нужным повторить, что перекрестный допрос и парный с ним прямой допрос составляют основу состязательной технологии формирования личных доказательств в суде. Эти судебные допросы – альфа и омега формирования личных доказательств доказываемых в суде фактов.

При том при всем, что и по действующем законодательстве прямой и перекрестный допросы могут проводиться, мы считаем принципиально важным закрепление в кодексе процедур прямого и перекрестного допросов. Это стало бы знаковым событием в отечественном уголовно-процессуальном праве и судебной реформе.

Хотелось бы развить одну тему, связанную с закреплением в кодексе правил проведения прямого и перекрестного допросов. Мы полагаем, что дифференциация судебных допросов, разумная и естественная схема судебного допроса позволяет выйти на решение застарелых проблем правовой организации судебного следствия. Обозначим эти проблемы и пути их решения.

1) Первая проблема связана с легализацией подготовки свидетеля к даче показаний на суде.

Известна негативная позиция Верховного Суда РФ к этому⁷. Однако, в реальности вполне провести этот запрет нельзя. Более того, считаем, что судебным деятелям *надо* «готовить» своих главных свидетелей к выступлению в суде. Разумеется, речь не идет о действиях, предусмотренных статьями 302-303 УК РФ, а о тактике представления личных доказательства. Поэтому надо внести в кодекс норму об этом, а также норму, определяющую порядок встречи судебного юриста со свидетелем оппонента – при подготовке к перекрестному допросу: по аналогии со статьей 276³ УПК Эстонии «Приготовление к перекрестному допросу». По общему правилу сторонам в деле запрещено встречаться и опрашивать свидетелей противника. Разрешение на это может быть дано судом и происходить под контролем судьи. Судья в виде исключения может запретить подготовку юристом своих, при наличии к тому особых причин.

2) Участие председательствующего судьи в доказывании должно быть четко нормировано.

Мы предлагаем включить в правовой стандарт участия председательствующего судьи в допросах ряд правил (ст. 13.5 Доктринальной модели):

– председательствующий судья вправе задавать вопросы допрашиваемому после

⁶ Под «свидетелями» здесь подразумевается любые лица, дающие в суде показания.

⁷ См., напр.: Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 3 июля 2007 г. № 74-о07-23.

- перекрестного допроса;
- председательствующий судья по ходатайству стороны может отклонить вопрос, заданный свидетелю в ходе перекрестного допроса, который является недопустимым, неотносимым или унижающим достоинство свидетеля;
 - при постановке наводящих вопросов в ходе перекрестного допроса председательствующий по своей инициативе или по ходатайству стороны вправе снять вопрос, если он (а) касается темы, не затронутой прямым допросом, (б) если содержит недопустимое давление на допрашиваемого;
 - председательствующий судья с учетом психического или физического состояния свидетеля может запретить перекрестный допрос и прибегнуть к получению показаний через доведения им до допрашиваемого вопросов, письменно подготовленных участниками следствия.
- 3) Для повышения качества судебного следствия необходима детализация правил проведения допросов различных лиц, в особых ситуациях. Нуждаются в регламентации, например, ограничения на ведение перекрестных допросов: малолетних, засекреченных (находящихся под госзащитой) лиц, потерпевших от половых преступлений, носителей государственной тайны и пр. (ст. 13.6 Доктринальной модели).
- 4) Важной и недостаточно урегулированной в законе является тема о наводящих вопросах. Вопрос об использовании наводящих вопросов в допросах решен в кодексе через категорический запрет на их постановку (ст. 189, 194 275 УПК РФ), что не вполне верно. Более гибкий подход предлагается нами [Александров, Белов, 2002, 40-44; Александров и др., 2015, 109, 110, 111; Александров, Гришин, Конева, 2014, 299-372], он состоит в следующем: (а) наводящие вопросы по общему правилу запрещены на прямом допросе, а при перекрестном допросе допустимы, если затрагивают уже данные свидетелем показания; (б) председательствующий судья может разрешить задавать наводящие вопросы случаям, если: 1) стороны согласны с этим; 2) вопрос затрагивает обстоятельство, либо содержит утверждение, по которому нет спора; 3) вопрос необходим для уточнения полученных показаний; 4) ввиду возраста или состояния здоровья свидетеля.
- 5) Надо добиться правовой определенности через ведение в кодекс соответствующих правил об использовании технических и иных «специальных» средств при проведении допросов и формировании личных доказательств в суде. Мы негативно относимся к любого рода попыткам использования технических средств (вроде полиграфа), а также экспертного (специального) знания (из области психологии, физиологии, лингвистики и пр.), где содержится оценка достоверности личных доказательств. Никакое техническое средство, никакой «научный судья» (эксперт/специалист) не может выступать посредником между допрашиваемым/допрашивающим и судьей. К сожалению, такая опасная линия обозначилась в некоторых научных исследованиях и в практике спецслужб, хотя, по счастью, была пресечена судебной властью. Введение такого запрета предлагается нами в ст. 2.13 Доктринальной модели.
- 6) О включении в предмет допроса исследования репутации допрашиваемого. Считаем неверной возобладавшей в судебной практике запрете на исследование личности не только подсудимого, но и потерпевшего и свидетелей (в суде с участием присяжных заседателей). В этой связи наша позиция такова: исследование репутации дающего

показания лица, не только надо разрешить, но даже сделать обязательным (в том числе и в отношении подсудимого) в тех случаях, когда это необходимо для разъяснения фактических обстоятельств дела, а также проверки способности лица давать достоверные показания [там же, 96-104, 116-118, 544-564].

Заключение

Судебная реформа изменила важные институты правосудия: апелляцию, кассацию-надзор, суд с участием присяжных заседателей, судебной контроль. Но пока она не затронула самое важное: правовую организацию судебного доказывания; не вернула суду исключительное право на формирование личных доказательств – посредством судебных допросов. Поэтому можно с полным основанием сказать, что главной задачей судебной реформы на современном этапе должно быть включение в кодекс правил проведения прямого и перекрестного допросов. Их становление как институтов позитивного права перевернет наш процессуально-правовой мир.

В связи с обсуждаемым сейчас предложением о введении в уголовной процесс следственного судьи необходимо одновременно создать институт депонирования личных доказательств – посредством прямого и перекрестного допросов. Такой проект предложен нами в Доктринальной модели (ст.ст. 7.1-7.2). В судебном следствии допустимо оглашение только задепонированных следственным судьей показаний обвиняемого.

И наконец, должен быть лишен исключительной юридической силы протокол следственного допроса, а техника оглашения протоколов следственных допросов должна быть занять скромное место в судебном следствии, в одном ряду с оглашением материалов опросов, проведенных адвокатом до суда.

Библиография

1. Александров А.С., Белов С.Д. Наводящие вопросы // Законность. 2002. № 2. С. 40-44.
2. Александров А.С., Гришин С.П. Перекрестный допрос в уголовном суде // Российская юстиция. 2005. № 11. С. 25-30.
3. Александров А.С., Гришин С.П., Конева С.И. Перекрестный допрос в суде (объяснение его сущности, принципов и порядка проведения, а также практическое наставление к употреблению). М.: Юрлитинформ, 2014. 584 с.
4. Александров А.С. и др. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ и Комментарии к ней. М.: Юрлитинформ, 2015. 304 с.
5. Александров А.С. Перекрестный допрос в суде: примеры успешной практики // Уголовный процесс. 2019. № 4. С. 22-31.
6. Александров А.С. Различие между прямым и перекрестным допросом // Допрос в юриспруденции и юридической лингвистике. СПб.: Петрополис, 2019. С. 7-13.
7. Гаджиев Х.И. Справедливый судебный процесс как гарант доверия к правосудию: новые права сторон // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. 2019. Вып. 5. С. 65-80.
8. Елагина А.С. Доктринальные основания прав личности в международном праве: поиск новой парадигмы // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 9А. С. 282-287.
9. Елагина А.С. Подходы к совершенствованию международного уголовного права // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 10А. С. 96-101.
10. Елагина А.С. Интерпретация трендов уровня преступности: нормальные и шоковые изменения // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 11А. С. 144-152.

Formation of personal evidence in the criminal court

Aleksandr S. Aleksandrov

Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Criminal Procedure,
Nizhniy Novgorod Academy
of the Ministry of the Interior of the Russian Federation,
603950, 3, Ankudinovskoe highway,
Nizhny Novgorod, Russian Federation;
e-mail: anrc@rambler.ru

Akhat A. Yunusov

Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Legal Disciplines,
Naberezhnye Chelny Institute,
Kazan (Volga) Federal University,
423800, 68/19, Mira str., Naberezhnye Chelny, Russian Federation;
e-mail: axatuk@rambler.ru

Svetlana S. Vitvitskaya

Associate Professor of the Department of Criminal Law
and Public Law Disciplines,
Don State Technical University,
344002, 1, Gagarina square, Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: omar67@yandex.ru

Abstract

In the modern criminal process, the investigative approach to forming personal evidence continues to dominate. This negatively affects justice. Judicial reform does not solve this problem. The purpose is to justify the need to replace the investigative model of the formation of personal evidence with a judicial-adversarial one that meets the standard of a fair trial in a state of law. The tasks include disclosing (1) the investigative essence of the norms of positive evidence law governing the formation of personal evidence in a court; (2) the institutional significance of direct and cross-judicial interrogations for a fair adversarial organization of judicial investigation; (3) opportunities arising from the differentiation of direct and cross-examination of interrogations for the legal regulation of a whole complex of urgent problems related to the formation of personal evidence. The facts must be established by the court on the basis of personal evidence, formed from the testimonies of persons who are interrogated by the parties, with subsidiary participation of the court. Judicial interrogations should be recognized as the main way of generating personal evidence. The use of pre-trial materials containing evidence should be allowed as an exception. In the differentiation of judicial interrogation into direct and cross-examination, the basis lies for the creation of a judicial-adversarial technology for the formation of not only personal but any evidence.

The possibilities of continuing judicial reform by optimizing the investigative criminal procedure model were exhausted. The next stage of judicial reform should be the reform of evidence law.

For citation

Aleksandrov A.S., Yunusov A.A., Vitvitskaya S.S. (2022) Formirovanie lichnogo dokazatel'stva v ugovolnom sude [Formation of personal evidence in the criminal court]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 12 (9A), pp. 439-449. DOI: 10.34670/AR.2022.26.57.060

Keywords

Personal evidence, evidence generation, evidence technology, direct interrogation, cross-examination, criminal proceedings.

References

1. Aleksandrov A.S., Belov S.D. (2002) Navodyashchie voprosy [Leading questions]. *Zakonnost'* [Legality], 2, pp. 40-44.
2. Aleksandrov A.S., Grishin S.P. (2005) Perekrestnyi dopros v ugovolnom sude [Cross-examination in a criminal court]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian Justice], 11, pp. 25-30.
3. Aleksandrov A.S., Grishin S.P., Koneva S.I. (2014) *Perekrestnyi dopros v sude (ob'yasnenie ego sushchnosti, printsipov i poryadka provedeniya, a takzhe prakticheskoe nastavlenie k upotrebleniyu)* [Cross-examination in court (explanation of its essence, principles and procedure, as well as practical instructions for use)]. Moscow: Yurlitinform Publ.
4. Aleksandrov A.S. et al. (2015) *Doktrinal'naya model' ugovolno-protsessual'nogo dokazatel'stvennogo prava RF i Kommentarii k nei* [Doctrinal model of criminal procedure evidence law of the Russian Federation and Comments on it]. Moscow: Yurlitinform Publ.
5. Aleksandrov A.S. (2019) Perekrestnyi dopros v sude: primery uspekhov praktiki [Cross-examination in court: examples of successful practice]. *Ugolovnyi protsess* [Criminal process], 4, pp. 22-31.
6. Aleksandrov A.S. (2019) Razlichie mezhdum pryamym i perekrestnym doprosom [The difference between direct and cross-examination]. In: *Dopros v yurisprudentsii i yuridicheskoi lingvistike* [Interrogation in jurisprudence and legal linguistics]. St. Peteraburg: Petropolis Publ.
7. Elagina A.S. (2018) Doktrinal'nyye osnovaniya prav lichnosti v mezhdunarodnom prave: poisk novoy paradigmy [Doctrinal foundations of individual rights in international law: the search for a new paradigm]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (9A), pp. 282-287.
8. Elagina A.S. (2018) Podkhody k sovershenstvovaniyu mezhdunarodnogo ugovolnogo prava [Approaches to the improvement of international criminal law]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (10A), pp. 96-101.
9. Elagina A.S. (2018) Interpretatsiya trendov urovnya prestupnosti: normal'nye i shokovye izmeneniya [Interpretation of crime trends: normal and shock changes]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 8 (11A), pp. 144-152.
10. Gadzhiev Kh.I. (2019) Spravedlivyi sudebnyi protsess kak garant doveriya k pravosudiyu: novye prava storon [Fair Trial as a Guarantor of Trust in Justice: New Rights of the Parties]. In: *Rossiiskii ezhegodnik Evropeiskoi konventsii po pravam cheloveka* [Russian Yearbook of the European Convention on Human Rights]. Is. 5.